

СОЮЗНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО И БЕЛОГО ДВИЖЕНИЙ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Наукові праці МАУП, 2012, вип. 2(33), с. 10–17

Исследованы идейные основы, этапы политической истории и результаты взаимодействия Украинского национального и Белого движений в период от Февральской революции в России до конца гражданской войны на территории Украины, определен союзнический потенциал этого взаимодействия в контексте современности.

Сталинские ОГПУ-НКВД и их нынешние идейные последователи в Кремле неизменно пытались и пытаются представить антибольшевистское Украинское национальное движение (от Центральной Рады, галицких сечевых стрельцов до ОУН-УПА) как врагов России и всего русского.

Еще со сталинских времен в советской школе закладывался антагонизм между главными силами гражданской войны на Украине — красными, белыми и петлюровцами (показателен в этом плане роман Юрия Яновского “Всадники”, 1935 г.). Такой же антагонизм между белогвардейцами и петлюровцами пронизывает культовый роман М. Булгакова “Белая гвардия” и его пьесу “Дни Турбиных”, так полюбившуюся Сталину, на которых воспитывались поколения советской и постсоветской, преимущественно русскокультурной, интеллигенции.

Современные исследователи пытаются деидеологизированно, на основе конкретных фактов и сохранившихся документов анализировать сложный комплекс проблем, связанный со взаимодействием антибольшевистских сил во время гражданской войны на Украине. Здесь можно назвать работы Ю. В. Павленко, О. Д. Бойко, В. Горака, Ю. Р. Мирошниченко, С. Л. Удовика, Д. Шурхало и др. Плодотворно сотрудничают

в исследовании трагедии русского и украинского офицерства в годы гражданской войны львовский историк Я. Ю. Тинченко и московский историк С. В. Волков. Однако все эти работы носят преимущественно исторический характер. Между тем до сих пор практически отсутствует политологический анализ взаимодействия Украинского национального и Белого движений в контексте современного опыта политических трансформаций.

Мы поставили перед собой задачу в контексте современного состояния украинско-российских отношений проследить органические связи между Украинским и Белым движениями, определить узловые точки их взаимодействия, реальные исторические факты стратегического сотрудничества и даже союза между ними на платформе антибольшевистской национально-освободительной борьбы.

Особенностью украинского как политического, так и национального движения всегда была его неполная расчлененность с русским национальным сознанием и русским национальным движением. Это проявлялось как в природе украинского движения, так и в его исторических вехах и индивидуальных судьбах его лидеров.

За исключением национал-коммунистов, составлявших явное меньшинство в украин-

ском национальном движении (к ним в первые годы послевоенной эмиграции примкнул и В. Винниченко), украинские националисты и государственники, несомненно, были гораздо ближе к идеологам и вождям Белого движения, чем к российским большевикам.

Отношения между Временным правительством и Центральной Радой, а позже между Белым движением и украинскими государственными формированиями (УНР, Украинская держава, Директория) в концентрированно-образной форме можно выразить как противостояние между Киевом — первой столицей Руси, “матерью городов русских” — и Петроградом Февральской революции, мятежно-идеалистической столицей византийско-евразийского “третьего Рима”, его отчаянным “окном”-рывком в демократическую Европу. При всей остроте этого противостояния оно все же, на наш взгляд, не являлось антагонистическим, поскольку обе столицы представляли традицию Руси, стремились к воплощению ценностей европейской культуры и демократии на во многом пересекающихся пространствах исторической России и Руси-Украины (с ее “ареалами” на Кубани, Дону, Белгородщине, Дальнем Востоке, в Бресте и даже в самих Москве и Петрограде).

Бывший генерал-адъютант Николая II П. П. Скоропадский, с января по июль 1917 г. командовавший 34-м армейским корпусом, после Февральской революции проводил украинизацию частей вверенного ему корпуса по решению Временного Правительства и при личном содействии командующего Юго-Западным фронтом Л. Г. Корнилова.

II Универсал Центральной Рады от 3 июля 1917 г. утверждал, что “мы, Центральная Рада, ...всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России”. Генеральный секретариат Центральной Рады объявлялся “органом Временного правительства”, его состав подлежал утверждению Временным правительством [1]. Формирование украинских войск в составе российской армии должно было осуществляться под контролем Временного правительства [1]. Затем, однако, взаимные амбиции петроградских и киевских полити-

ков привели к конфликту полномочий, на пике которого в сентябре 1917 г. вышло постановление сената — верховной судебной инстанции России (после Октябрьского переворота распущен большевиками) — о признании Центральной Рады, Генерального секретариата и актов Временного правительства, их признававших “несуществующими” в связи с отсутствием постановления (то есть правового основания) об учреждении Центральной Рады.

В начале октября (старый стиль) Временное Правительство телеграммой пригласило в Петроград для урегулирования ситуации делегацию Генсекретариата во главе с его председателем В. К. Винниченко “для личных объяснений”. Прибыв в Петроград в конце октября (ст. ст.), украинская делегация стала свидетелем свержения Временного правительства и замены его большевистско-левоэсеровским “Временным рабоче-крестьянским правительством”, которое, как постановил II съезд Советов, создавалось “для управления страной до созыва Учредительного собрания”.

В условиях потери легитимного партнера для переговоров, угрозы правового и хозяйственного хаоса Украинская Центральная Рада 7 (20) ноября 1917 г. утвердила III Универсал, в котором провозгласила Украинскую Народную Республику (УНР) в составе федерации свободных народов, формально не разрывая федеративных связей с Россией [2]. Украина все еще не претендовала на абсолютный суверенитет, так как предполагалось, что октябрьские события в Петрограде — это заговор, который вскоре будет ликвидирован. На территории Украины оставались в силе все законы, постановления и распоряжения Временного правительства, если они не были отменены Центральной Радой или Генеральным секретариатом. Оставались все коллективные правительственные учреждения и все чиновники, назначенные Временным правительством до будущих изменений в законодательстве УНР [2]. Следует учесть также, что на тот момент в Петрограде еще действовал и Правительствующий сенат (большевики его распустят только к 24 ноя-

бря по ст. ст.), признавший нелегитимной саму Центральную Раду.

Как указывает В. А. Савченко: “Ленинское правительство прежде всего беспокоила активная “внешнеполитическая” деятельность Центральной Рады по формированию нового общероссийского федерального центра власти, возможность создания альтернативного Всероссийского правительства — центра борьбы против “октябрьских” комиссаров в Киеве, как “матери городов русских”, возможность переноса Всероссийского учредительного собрания в Киев” [14, 109], тем более что Центральная Рада дважды (в конце ноября и 5 декабря) обращалась к правительствам казачьих автономий Дона, Кубани, Урала, а также Молдавии, Башкирии, Крыма, Кавказа, Сибири с призывом к переговорам о создании будущего федерального центра России и Всероссийской федеративной республики.

С. Петлюра свое отношение к украинскому национальному вопросу в контексте начавшейся Великой войны изложил еще в августе 1914 г. в статье-воззвании “Война и украинцы”, опубликованной в выходившем в Москве русскоязычном журнале “Украинская жизнь”. Приведем весьма красноречивые выдержки из этой статьи, которой С. Петлюра свидетельствует о своей полной политической лояльности Российской империи и призывает российских украинцев к неукоснительному соблюдению перед нею своего военно-патриотического долга: “В идеалах украинцев и практических постулатах украинского общества, начиная с Кирилло-Мефодиевского братства и вплоть до наших дней, национальное развитие части украинского народа, вошедшей в состав России, всегда мыслилось в пределах последней и в тесном союзе с народами, населяющими ее”.

“Противники России при переходе границы будут, конечно, стараться привлечь украинское население на свою сторону и всякими обещаниями политическими и национальными посулами посеять смуту среди него. Украинцы не поддадутся провокационным воздействиям и выполнят свой долг граждан России в это тяжелое время до конца и не

только на поле брани, в рядах бранной рати, сражающейся против нарушителей мирового мира и права, но и как граждане-обыватели, обязанные в меру своих сил и возможностей содействовать успешному выполнению русской армией исключительно ответственной задачи, выпавшей на ее долю” [12, 185–186].

25 ноября 1917 г. Симон Петлюра был избран во Всероссийское учредительное собрание. В декабре 1917 г. Петлюра, занимая пост военного министра УНР, при встречах с французами убеждал их в том, что он будет выступать против сепаратного мира и за сохранение автономии Украины в составе России [14, 135], что, вероятно, и послужило истинной причиной его отставки решением Генерального секретариата и Центральной Рады, уже вставших на позицию сепаратных переговоров с немцами (официальная мотивировка — “превышение полномочий”).

В связи с разгоном большевиками 6 (19) января 1918 г. Всероссийского учредительного собрания, расстрелами демонстраций петроградской и московской общественности в его поддержку и начавшимися военными действиями между Советской Россией и Украинской Народной Республикой перед Центральной Радой стали следующие задачи: мобилизовать и организовать народ Украины для отражения агрессии, отмежеваться от режима большевиков и создать условия для начала самостоятельных переговоров с Германией. С целью решения этих задач 22 (9) января 1918 г. был провозглашен IV Универсал, согласно которому УНР стала “самостоятельным, ни от кого независимым, свободным суверенным государством украинского народа” [1]. Универсал возложил на правительство задачу “полностью самостоятельно” провести мирные переговоры с Германией и ее союзниками [1].

Как известно, Германия и Австро-Венгрия выставили обязательным условием подписания сепаратного мира с Центральной Радой обретение Украиной международной правосубъектности, то есть провозглашение УНР суверенным государством, полностью независимым от России. Кроме того, оставалась в силе позиция Вены относительно запрета на

использование в официальных документах относительно украинцев исторического этнонима “русин” (“рутен”) [13], что исключало возможность использования распространенного в середине XIX — начале XX в. имени “Русь-Украина” в названии государства.

Бывший генерал-адъютант Николая II гетман П. П. Скоропадский всей душой сочувствовал Белому движению, которое, в его лице, имело, вне всякого сомнения, искреннего друга и потенциального теснейшего союзника. Согласно данным наиболее авторитетного современного историка русского офицерского корпуса и Белого движения С. В. Волкова, из примерно 100 лиц высшего комсостава гетманской армии лишь менее четверти служили потом в вооруженных силах Директории УНР, а большинство впоследствии служило в Белой армии [6].

Ключевым союзником гетманского правительства на востоке были Всевеликое войско донское, теснейшим образом (хотя и не бесконфликтно) сотрудничавшее с Добровольческой армией генерала Антона Деникина. Именно через Дон осуществлялось, при деятельном участии гетмана, снабжение белогвардейцев Деникина кадрами, вооружением и обмундированием.

Центральная Рада и Украинская держава гетмана Скоропадского поддерживали теснейшие связи с Кубанской Радой — высшим органом Кубанского казачьего войска, созданной в апреле 1917 г., и с Кубанской Народной Республикой. 23 июня 1918 г. в Новочеркасске проходит заседание Кубанского правительства, на котором решался вопрос о том, на кого ориентироваться в дальнейшем — на Украину или Добровольческую армию. Большинство голосов вопрос был решен в пользу добровольцев. Тем не менее уже в конце июня Украинская держава поставила на Кубань 9700 винтовок, 5 млн патронов, 50 тыс. оружейных снарядов. Подобные поставки осуществлялись и в дальнейшем [4, 229].

Виднейшие правые идеологи украинского национализма Вячеслав Липинский, Дмитрий Донцов, Николай Михновский, братья Шеметы активно поддерживали правительство гетмана Павла Скоропадского и тесно

сотрудничали с ним. Все они были твердыми противниками инициированного С. Петлюрой и его социалистическим окружением антигетманского восстания несмотря на то, что после поражения немцев П. Скоропадский занял откровенно пророссийскую позицию. Они предвидели, что социалистический режим своей экстремистской политикой приведет к дальнейшей анархии в экономике, развалу административного аппарата, распаду армии и сделает Украину бессильной перед большевистской Россией.

Твердой антибольшевистской позиции придерживался и видный военачальник армии УНР полковник П. Ф. Болбочан, конкурировавший по популярности в украинских кругах с С. Петлюрой [9]. Благодаря проофицерским симпатиям Болбочана в Полтаве, в отличие от Киева, в декабре 1918 г. удалось избежать массовой расправы над русскими офицерами, оборонявшими город в составе гетманских войск от восставших петлюровцев [5].

С одной стороны, как подчеркивает современный украинский историк и писатель Роман Коваль: “Ненависть Владимира Винниченко (добавим от себя: и Симона Петлюры. — *И. П.*) к Николаю Михновскому, Павлу Скоропадскому и Петру Болбочану имела катастрофические последствия для украинской государственности” [9]. С другой стороны, политическая недалекость Деникина, явно переоценивавшего “дружеские намерения” союзников (Антанты), не позволила реализоваться антибольшевистскому союзу гетмана и Добрармии, что привело к дезориентации и распылению русского офицерского корпуса на Украине (на середину 1918 г. — до 90 тыс. чел.) [7, 65].

Здесь следует отметить важный момент. Для Алексева, Корнилова, Деникина и других бывших царских генералов, ставших во главе Белого движения на Юге России, доведение до победного конца Великой войны с Германией и Австро-Венгрией было главным оправданием государственного переворота, которому они волей-неволей поспособствовали и в результате которого самодержавие уступило власть Временному правительству.

В этих условиях признание вождями ВСЮР правительства УНР, заключившего сепаратный мир с немцами, или поставленного теми же немцами гетмана Скоропадского, означало бы фактически расписаться в своем политическом фиаско.

Сложнее выглядит вопрос о союзническом потенциале ВСЮР и Директории УНР, единоличное руководство которой вскоре после антигетманского переворота переходило в руки Головного атамана Петлюры.

В армии Директории УНР служило более двух десятков бывших генералов русской армии [15, 5, 8–9]. Отметим, что бежавшего 5 декабря 1919 г. после разгрома своей армии из Новой Чорторыи в Варшаву Петлюру, кроме охранника и двух адъютантов, сопровождал начальник штаба армии УНР... царский генерал-лейтенант, виднейший русский военный историк, дворянин и сын русского генерала, уроженец исконно русской Рязанской губернии Николай Леонтьевич Юнаков [14, 341–342]. На момент указанного отъезда в Варшаву Юнаков прослужил на российской военной службе 28 лет (не считая Орловского кадетского корпуса), на украинской — полтора года, из них в армии УНР — неполный год. Тем не менее именно ему Петлюра, по сути, доверил всю военную, то есть в условиях войны важнейшую составляющую своего дела. Один этот факт развенчивает миф о “русофобии” Петлюры.

Наиболее образованные лидеры ОУН ощущали свою причастность к цивилизационному пространству общерусской культуры. Вот что писал, к примеру, ближайший соратник Е. Коновальца археолог и поэт Олег Ольжич: “*В колишній Росії, на мою думку, культура інтелігенції стояла найвище (виділено мною. — І. П.).* Маю на увазі дійсну культурність та аристократизм. І українські емігранти-козаки стоять вище за американських інтелектуалів. Що то “демократія” і реальний матеріалістичний світогляд!... Привившись до німців, а тепер до американців, я все більше починаю цінити наших людей і наше життя” [11, 343].

Командир Корпуса сечевых стрелцов Армии УНР, основатель и первый руководитель

ОУН Е. Коновалец (сын русина — директора гимназии), как свидетельствовал в своем дневнике его близкий соратник Е. Бачина-Бачинский (запись от 10 ноября 1930 г.), считал, несмотря на спровоцированную Первой мировой войной антирусскую истерию в Галиции и насаждавшийся вначале австрийскими, а затем польскими властями отказ от русского имени, “что надо остаться при двойном названии Русь-Украина, не отмежевываться от исторического названия нашего народа русинов-украинцев” [8, 708].

Тем не менее очевидный союзнический потенциал двух главных антибольшевистских сил на Украине в 1919 г. — в год наивысшего накала гражданской войны — так и не был в достаточной мере реализован, чему причиной стала прежде всего политическая недалёковидность и субъективная антипатия к Петлюре Деникина и ряда его генералов (Бредова, Слащева, Шиллинга и др.), части которых вошли в соприкосновение с армией УНР и от которых во многом зависела судьба военных отношений между ВСЮР и армией УНР.

Галицкие политики и военные, видные представители Антанты (французский маршал Ф. Фош, военный министр Великобритании У. Черчилль и др.) подталкивали Петлюру к союзу с Деникиным. Но сам Деникин в резком заявлении Антанте отказался от всякого сотрудничества с Петлюрой и от признания любой автономии Украины, оставив этот вопрос на усмотрение всероссийского Учредительного собрания. Деникин оставлял петлюровцам только путь полной капитуляции или перехода в состав Белой армии без каких-либо предварительных условий [14, 302].

Трагическим днем для украинско-российских отношений следует считать 31 августа 1919 г., когда в Киеве, оставленном красными, произошла спонтанная встреча 3-го корпуса Галицкой армии генерала А. Кравса и белогвардейских частей ВСЮР, которыми командовал генерал Н. Бредов. Вместо ожидавшегося киевской общественностью совместного парада победителей в городе произошли вооруженные столкновения между

белыми и петлюровцами, завершившиеся стремительным отходом частей армии УНР из Киева.

Фатальная ошибка генерала Деникина заключалась в том, что его политика и поведение его армии на Украине носили имперский характер, хотя и опирались на республиканско-демократическую платформу и общедемократические лозунги. Как отмечает в своих воспоминаниях генерал УГА А. Кравс: “Денікінці, попри яких революція перейшла так якби безслідно, нічого з неї не скористали, ані нічого не навчилися. Вони не зірвали зі старим режимом...” [10, 68].

Говоря с редакторами крымских изданий о причинах неудач в 1919 г., Врангель, среди прочего, указывал на провальную политику Деникина в национальном вопросе: “Дрались и с украинцами, и с Грузией, и с Азербайджаном, и лишь немного не хватило, чтобы начать драться с казаками... В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы” [16].

Уже в сентябре 1919 г. Петлюра, фактически получив от Деникина ультиматум о капитуляции, начал полномасштабные военные действия против ВСЮР, предложив большевикам заключить военный союз против белых. Галицкая армия после этого прервала общение с петлюровцами и в полном составе перешла под командование ВСЮР. Как признает генерал А. Кравс, несмотря на военный, а не политический характер указанного договора, “все-таки ми сподівалися, що знайдеться якийсь вихід і що Велика Україна буде щонайменше як самостійна держава у федерації з Росією” [10, 68]. Интересно, что само название “Украинская Галицкая армия” (УГА) регулярная армия ЗУНР получила именно после договора с ВСЮР (17 ноября 1919 г.); до этой даты она известна как Галицкая армия (ГА).

Следует отметить, что в части УГА входили наиболее “национально сознательные украинцы”, большинство из которых набиралось еще в австрийскую армию, куда в годы Первой мировой войны доступ “русофилам” был воспрещен. Тем не менее УГА уже

через полгода пребывания в “підросійській Україні” делает добровольный, осозанный стратегический выбор в пользу вхождения в состав ВСЮР, стоявших на платформе свободной демократической России. Может ли быть более наглядное историческое свидетельство в пользу тщетности любых, пусть и самых изощренных, попыток сделать врагами разные ветви исторической Руси?

В отличие от Деникина в политике Врангеля украинский вопрос занимал важнейшее место. Летом 1920 г. Врангелем был создан Украинский комитет во главе с генералом Василием Киреем (в 1917–1918 гг. — соратник С. Петлюры по Гайдамацкому кошу Слободской Украины), который сформулировал основы политики Южнорусского правительства в украинском вопросе: назначение высшей гражданской администрации только из уроженцев Украины, местное самоуправление, формирование украинских воинских частей. Под его влиянием генерал Врангель уравнивал русский и украинский языки в сфере образования.

В августе 1920 г. в Варшаве между исполняющим обязанности председателя правительства УНР А. М. Ливицким и представителем Врангеля Б. В. Савинковым (август 1920 г.) было достигнуто политическое соглашение, позволившее начать совместную антибольшевистскую борьбу на платформе признания правительства УНР и необходимости будущего созыва Украинского учредительного собрания. Последнему предстояло решить: будет ли Украина независимой или в федерации с Россией.

Важным моментом при оценке “уживчивости” украинских частей Петлюры и русских белогвардейцев является факт оперативного включения в августе 1920 г. 3-й Русской армии генерала Бориса Пермикина, шедшей на соединение с 1-й и 2-й Русскими армиями генерала Врангеля, в состав союзных с Польшей вооруженных сил УНР под командованием С. Петлюры, что было согласовано между Ю. Пилсудским, С. Петлюрой и П. Н. Врангелем (в случае успеха армия Пермикина должна была соединиться с передовыми частями войск Врангеля в районе

Черкасс). Нет сомнения в том, что в случае доминирования в петлюровских войсках русофобских настроений такой шаг, означавший, по сути, создание русско-украинской армии, был бы невозможен: ни Петлюра, ни Врангель, ни польское командование на него бы не пошли. Примечателен и факт совместного отхода белых и петлюровских частей за Збруч после заключения 12 октября 1920 г. польско-советского перемирия.

В начале октября 1920 г. в Севастополе — столице врангелевского Крыма — в помещении украинской гимназии им. Т. Шевченко состоялся Украинский съезд. В дискуссии сторонники Петлюры взяли верх над федералистами. Съезд от имени “украинских селян, мещан и повстанцев” принял резолюцию: начать формирование украинской армии под национальным флагом и командованием украинских офицеров под предводительством генерала Врангеля. И призвал “выйти в згоду Врангелю з Петлюрою”. Генерал Врангель на постановлении Съезда собственноручно написал: “Принять к исполнению” [16].

Таким образом, к концу гражданской войны как для лидеров украинских националистов, так и вождей белого движения стала очевидной необходимость тесной координации своих действий для борьбы против главного врага — большевизма. Как указывает украинский исследователь Дмитрий Шурхало: “Врангель доказал (хотя и слишком поздно), что возможность для компромисса между небольшевистской Россией и национально-освободительными движениями была” [16]. Такой компромисс, на наш взгляд, был достигим на основе общедемократических ценностей, традиций и наследия Руси и Европы.

Таким образом есть все основания сделать вывод о том, что неспособность Колчака и Деникина, олицетворявших верховную власть антибольшевистской России, выработать гибкую политику в национальном вопросе превратила национальные окраины бывшей Российской империи из союзников Белого движения в его вольных или невольных врагов, что подорвало силы белых армий и позволило большевикам нанести

им решающие поражения в гражданской войне. В свою очередь, военное поражение Белого движения обусловило и поражение национально-демократических сил на Украине и в Закавказье, а позже (с 20-летней отсрочкой) — большевистскую оккупацию Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики.

Следовательно, антагонистического противоречия между программами проевропейского украинского национализма и “белой” идеологией русской национальной демократии нет. Русь-Украина может быть реформатирована в национальное государство, одинаково ценящее как украинскую, так и общерусскую культуру.

Література

1. I (II) Універсал Української Центральної Ради // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-2.html>
2. (III) Універсал Української Центральної Ради // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-3.html>
3. (IV) Універсал Української Центральної Ради // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-4.html>
4. Бойко О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П. Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. Зб. наук. статей. — 2009. — Вип. 3. — С. 217–232.
5. Волков С. В. Офицерство после катастрофы русской армии. Глава 3 // Трагедия русского офицерства. — М., 1993. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://militera.lib.ru/research/volkov1/index.html>
6. Волков С. Украина и Белое движение. — Россия в красках. — 2005. [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://ricolor.org/history/bldv/ukr/>
7. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Материалы, собранные и разработанные А. А. фон-Лампе. — Т. 1. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969. — 312 с.
8. Є. Коновалець у Женеві / Євген Коновалець та його доба. — Мюнхен: Видання Фундації ім. Євгена Коновальця, 1974. — 1019 с.
9. Коваль Р. Людина обов'язку і честі. До 125-ліття від дня народження Петра Болбочана. — Незборима нація. Видання історичного клубу “Холодний Яр”. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://nezboryma-naciya.org.ua/show.php?id=254>

10. Кравс А. За українську справу. Спомини про ІІІ. Корпус У. Г. А. після переходу за Збруч. — Львів: Видавнича кооператива "Червона калина", 1937. — 100 с.

11. Ольжич О. З листівки до О. Олеся та В. Кандиби від 13. IX.1932 // Незнаному воякові. Заповідане живим. — К.: Фондація ім. О. Ольжича, 1994. — 432 с.

12. Петлюра С. Война и украинцы (оригінальний текст російською мовою) // Статті, листи, документи. Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1956. — С. 184–187.

13. Расевич В. Меморандум від липня 1915 р. до Австрійського уряду про необхідність вживання національної назви

"українець" // Україна в минулому: 36. ст. — К.-Л., 1994. — Вип. 5. — С. 172–180.

14. Савченко В. А. Симон Петлюра. — Х.: Фолио, 2004. — 415 с.

15. Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. — Ч. 1. — Київ: Тиражувальний центр УРП, 1995. — 258 с.

16. Шурхало Д. Украинский гамбит Черного барона. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://ord-ua.com/2010/04/13/ukrainskij-gambit-chernogo-barona/?!page=1>

Антагонистического противоречия между программами проевропейского украинского национализма и "белой" идеологии русской национальной демократии нет. Компромисс был возможен на основе демократических ценностей, уважения к наследию Руси, однако в решающий момент не был достигнут, что подорвало силы антибольшевистского сопротивления и предопределило исход гражданской войны.

Антагоністичного протиріччя між програмами проєвропейського українського націоналізму і "білої" ідеології російської національної демократії немає. Компроміс був можливий на основі демократичних цінностей, поваги до спадщини Русі, проте у вирішальний момент не був досягнутий, що підірвало сили антибільшовицького опору і зумовило результат громадянської війни.

There was no antagonistic contradiction between the pro-European programmes of Ukrainian nationalism and the "white" ideology of the Russian national democracy. A compromise was possible on the basis of democratic values and respect for the heritage of Rus but at the decisive moment was not achieved. That undermined the anti-Bolshevik forces' resistance and determined the outcome of the Civil War.

Надійшла 17 лютого 2012 р.